

Алексей Махнач

руководитель Академического департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ, кандидат исторических наук, доцент. Занимается развитием экспериментальных гуманитарных образовательных технологий. Создатель бакалаврской программы ЕГУ «Европейское наследие». Сфера исследовательских интересов: археология, культурная антропология, свободные науки и искусства.

Фото Mindaugas Mikulėnas

Европейское наследие «между прошлым и будущим...»

Алексей Махнач

European Heritage «Between the Past and the Future...»

The article of the head of the EHU Department of Humanities and Arts Prof. Aliaksei Makhnach is devoted to the conceptualization of European heritage and European intellectual tradition and its use as a core content of the liberal arts programs in EHU. The heritage itself is a triangle consisting of the valuable artefact, tradition and a human, able to read and perceive the culture. The main concern of humanities education is of course the human and his understanding, seen not as a merely cognitive ability, but as a practical ability to act. This is why we use experimental formats of educational process, first of all a project approach and an emotional immersion in the cultural environment of major European cities: Vilnius, Florence, St. Petersburg and Athens.

Прологом к этому тексту могла бы послужить притча Франца Кафки Он, к которой Ханна Арендт обращается в предисловии к работе Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли [2]. Не следуя буквально ее интерпретации, скажу, что в любой дискуссии о любом наследии ключевым для меня останется не оно, а именно «Он».

Но где, в каких дискуссиях о наследии сегодня можно найти «Его»? И Ханна Арендт, и Франц Кафка уже давно признаны как «Они» в рамках европейской интеллектуальной традиции. А что делать здесь и сейчас нам, чтобы появились следующие «Он», «Она» и «Они», без которых любой разговор о европейском наследии будет лишь разговором о «руинах»?..

Идея создания Европейского Гуманитарного Университета в 1992 году была связана с необходимостью преодоления длительной интеллектуальной изоляции Беларуси. Очевидной необходимостью стало обращение к европейской интеллектуальной традиции и ценностям европейской культуры как общего

Питер Брейгель Старший
«Падение Икара»
1558

цивилизационного пространства, к которому, несомненно, принадлежали и страны Восточной Европы. Понимание необходимости трансформации содержания образования в конце XX века в Беларуси породило надежду на то, что ценности европейской культуры станут точкой отсчета грядущих преобразований. Именно эта идея послужила основанием для присвоения университету названия «европейский» и была поддержана значительным количеством европейских стран. Университет с начала его деятельности стремился содействовать формированию поколения с иным типом мышления в области экономики, общественной жизни и культуры, способного увести Беларусь от наследия тоталитаризма к открытому обществу, основанному на ценностях европейской цивилизации [8, 83]. Речь шла не о теоретических поисках «европейскости», а о том, как практически имплементировать эту «европейскость» в совершенно чуждое ей образовательное пространство.

Ключевым вопросом, актуальным по сей день, остается вопрос содержания образования, формирующего *иной*, расположенный к практической реализации образ мышления. Речь идет о содержании, подталкивающем человека к тому, чтобы стать автором в широком смысле этого слова. Это должны быть люди, обладающие качествами, на которые указывает Аристотель в 6-й книге Никомаховой этики, люди, способные не просто действовать, но действовать на основе творческой мысли.

Опасность заключается в том, что то, что называется образованием в области гуманитарных и социальных наук, зачастую опирается на теоретические идеи, вызывающие восторг новизной формулировок, но совершенно не пригодные для применения на практике. При этом необходимо добавить, что теоретики в сфере гуманитарных и социальных наук намного безобиднее тех, кто решил экспериментальным путем доказать правильность своих теорий. XX век полон

примеров таких гуманитарных «экспериментов» и «доказательств».

Именно прошлый век продемонстрировал любопытные варианты понимания термина «гуманитарный», исключаящие друг друга. С одной стороны, о «гуманитарном» можно говорить как о потенциальной возможности человека реализовать себя, ориентируясь на выдающиеся достижения человеческой творческой мысли. Однако человек постоянно вовлекается в череду «гуманитарных катастроф», каждая из которых по качеству и глубине оказывается сильнее предыдущей и требует особой «гуманитарной помощи» для ее преодоления. Тесное переплетение этих пониманий становится неизбежным.

Открытия и прорывы в сфере естественных наук все чаще рассматриваются как необходимые предпосылки в поиске других пригодных для жизни планет. Вполне возможно, человечеству удалось бы избежать необходимости задумываться над такими вариантами развития, используя оно прорывы в сфере гуманитарных и социальных наук для осмысления гуманитарных катастроф и для их практического предотвращения. Вероятно, это можно назвать пессимизмом, основанным на переживании и переосмыслении XX века. Но как быть, если пока речь идет скорее о «вечном возвращении» Ницше? «Слепые ведут слепых», как на картине Брейгеля, а мучения Прометея оказываются напрасными?

С этим непосредственно связана еще одна «вечная проблема» гуманитарного образования: самые «прекрасные» идеи должны быть не только произнесены, но и услышаны. На картине Питера Брейгеля Падение Икара практически отсутствуют главные герои этого мифа. На Дедала указывает только взгляд пастуха, а на поверхности воды видны лишь ноги Икара. Мало кого из представленных на картине персонажей волнует происходящее, сам момент трагедии. Ключевым же является вопрос о том, как Дедал, грандиозный созда-

тель множества невероятных вещей, в том числе и крыльев, не смог найти тот язык, которым объяснил бы единственному сыну, как ими правильно пользоваться. Инструкций, данных им, оказалось недостаточно. Какой же особой силой должен был обладать язык Дедала, чтобы Икар его услышал? И какой силы должен быть крик утопающего Икара, чтобы другие персонажи картины бросились ему на помощь?

Создать в Беларуси университет, способный обнаружить силу языка, позволяющего привлечь внимание к существующим и вероятным угрозам для человека и человечества, оказалось чрезвычайно сложно, практически невозможно. Определенным провалом идеи «европейскости» университета стало его перемещение из Минска в Вильнюс после закрытия в 2004 году. Более чем за полтора десятка лет выживания в Литве в статусе *university in exile* его «европейскость» стала восприниматься многими как географическая привязка в границах Европейского союза или как соответствие критериям Болонского процесса, регулирующего европейское образовательное пространство.

«Европейскость» в названии почти утратила первоначальный смысл. Та же участь постигла и «humanities». Гуманитарные науки достигли понимания того, что представляет из себя та или иная отдельная научная дисциплина с соответствующим понятийным аппаратом, методами и концепциями. При этом они же не только не способствовали, но и значительно усугубили представление о природе или феномене конкретного человека. «Humanities» в смысле, который в него вкладывается в гуманитарном университете, предполагает способность конкретного человека понимать себя. При этом под самим пониманием необходимо подразумевать не способность мышления усваивать абстрактное содержание, а практическую способность человека, действие. В свою очередь, аутентичность человека – это не набор врожденных талантов, а способность их обнаружить и распорядиться ими. И это не абстрактное пожелание в рамках процесса гуманитарного образования, а онтологическая потребность или обреченность.

Попыткой изменить существующее положение дел стала бакалаврская программа «Европейское наследие», на которую была возложена миссия конкретизации изначального содержания университета, способствующего формированию мышления в рамках европейской традиции.

Не стоит питать иллюзии относительно того, что мир европейской цивилизации является содержательной панацеей для тех, кто надеется с ее помощью трансформировать собственную реальность. Эта цивилизация в самом деле несла в себе импульс, благодаря которому было создано очень многое. Вместе с тем, немало из того, что было явлено европейской цивилизацией, требует осторожного отношения и внимательного переосмысления. Интеллектуальная традиция является тем самым важным инструментом селекции того, что в европейской традиции еще обладает энергией, необходимой не только для противодействия обветшанию мира, но и для дальнейшего развития.

Важным в понимании интеллектуальной традиции является не только преемственность идей и способов их мышления, но и обеспечение непрерывности их исторического наследования. Так, идея Европы, начавшаяся с мифа о Зевсе и похищении дочери финикийского царя, строится сегодня вокруг потенциальной возможности прекращения существования Европы как политического союза [5, 135]. Одним из итогов радикальных политических трансформаций станет девальвация самой идеи европейской традиции, воплощённой в ее носителях. Возникает вопрос, возможно ли, что традиция, породившая такие явления как демократия, христианство, право, гуманизм, перспективу в искусстве и т. д., утратит преемственность, способность к воспроизводству и завершится? В эссе Ханны Арендт Кризис образования отмечается, что мир, к которому не проявляют интереса, ветшает и разрушается [2, 284–285]. Утрата поколениями XX–XXI веков способности со-

относить себя с традицией, создавшей современный европейский мир, лишь ускорит этот процесс.

Нужно признать, что постановка вопроса о завершении Европы не нова. Она является одним из «проклятых» вопросов, к которым вынуждено обращается каждое поколение мыслителей. Итогом предыдущих подобных осмыслений стала монография Освальда Шпенглера *Закат Европы*, второй том которой вышел в 1922 году, сто лет назад.

Путей выхода из кризиса не много, как и желающих их обозначить. В одном из интервью современный итальянский философ Джорджо Агамбен констатирует, что «Европа может стать нашим будущим, только если мы объясним себе, что в первую очередь она – наше прошлое. И сейчас это прошлое чем дальше, тем больше демонтируется [...] Очевидно, что перед нами уже не просто экономические проблемы, но угроза существованию Европы как целого [...]». Ведь единственное место, в котором оживает прошлое, – наше настоящее. А если настоящее уже не воспринимает собственное прошлое как нечто живое, то и университеты, и музеи под вопросом. Очевидно, что в Европе наших дней в действие пришли силы, которые пытаются манипулировать нашей идентичностью, разрубая пуповину, связывающую нас с прошлым. Все различия теперь разравниваются одним катком» [8].

Агамбен считает, что «политическая единица» под названием Европа может возникнуть, только опираясь на это прошлое: «Именно по этой причине нынешний кризис кажется мне столь опасным. Нам следовало бы представлять наше единство прежде всего с опорой на все наши различия. Но вместо этого европейские государства, школы и университеты подвергаются разорению и закрытию, хотя это те самые институты, на которых держится культура, которые хранят живую связь прошлого и настоящего. Подрыв образованности идет бок о бок с растущей

музеефикацией прошлого. Мы видим, как это начинается во многих городах, превращающихся в исторические зоны, так что местные жители вынуждены чувствовать себя туристами в собственном жизненном мире» [8].

С точки зрения феномена европейского наследия и формирующей его европейской традиции крайне важно понимать природу самого человека – носителя этой традиции и создателя того, что еще только станет в ее рамках наследием. Традиция находит воплощение в очень конкретных людях, авторах конкретных объектов, называемых европейским наследием. Ситуация интересна тем, что утрата любого из компонентов этого круга «традиция – человек – наследие» приведет к угрозе существованию остальных. Актуальным становится вопрос о том, что именно сегодня находится в самом рискованном положении – наследие, традиция или человек? Иными словами, что именно необходимо *сохранять* в первую очередь: объекты наследия, традицию, в рамках которой они имеют ценность, или человека, способного видеть потенциал этой традиции и продолжать ее?

Мы исходим из грубого понимания термина «натальность» Ханна Арентс – а именно, отличительной способности человека создавать нечто принципиально новое [1, 16]. Однако новое возможно лишь тогда, когда человек понимает и знает то, что было создано прежде него. Наследие, таким образом, выступает чуть ли не единственным ориентиром в том, на что человек потенциально способен. И тут очень важно подчеркнуть, что речь не об имитации, а о необходимости превзойти уже созданное. Наследие само по себе является той планкой, которую необходимо преодолеть. Только то, что преодолено, становится наследием. На этом пути самым важным является момент отталкивания воображения от почвы, на которой мы стоим. Прекрасным примером тому является замысел жителей Флоренции построить храм, окончание строительства которого не смогут увидеть ни их дети, ни их

внуки, ни внуки внуков. Но что делать, когда такой почвы, как у рожденных во Флоренции, у нас под ногами нет?

Несомненно, сегодня преобладает понимание наследия как некоего количества материальных и нематериальных объектов, требующих неких манипуляций, в первую очередь сохранения. При этом образовательные программы по наследию, существующие в странах Европейского Союза, несмотря на междисциплинарность, созданы с ориентацией на конкретные науки. Консервация и реставрация объектов наследия осуществляется в сфере технических наук. Культурные ландшафты предполагают интенсивное привлечение наук о природе. Туризм и наследие ориентированы на экономику и менеджмент. Политика памяти рассматривается в рамках социальных наук. В формировании законодательства о наследии активное участие принимают юридические науки. Без сомнения, в гуманитарном университете может иметь место любая их комбинация. Однако возникает иная проблема: что является центром такой образовательной программы – человек, потому что университет гуманитарный, или наследие, если речь идет о программе по наследию?

В рамках существующих программ по наследию человек получает навыки, чтобы совершать с ним всякого рода манипуляции. Но в рамках гуманитарного университета мы должны допустить мысль о том, что, наоборот, наследие обладает способностью совершать манипуляции с человеком. Самой еретической идеей может быть мысль о том, что сегодня потребность сохранять наследие гораздо менее актуальна, чем необходимость сохранить человека, напоминая ему о том, кто он, о его наследии.

Во введении к книге Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли Ханна Арентс сравнивает традицию с потерянным сокровищем, которое предстоит обнаружить. Эту традицию не

следует понимать, как историю Европы с набором дат или как архитектурное наследие, которое необходимо использовать и сохранять, а как что-то, что может вызвать в нас переживания; что-то, что может стать почвой и дать необходимую для созидания энергию.

Эта европейская традиция по-прежнему обладает мощным творческим потенциалом, однако ситуация усложняется тем, что она охватывает период более чем 2500 лет. Не представляется возможным переосмыслить все, что называется европейским наследием. Еще сложнее выделить в нем ориентиры для дальнейшего формирования и сохранения традиции. Не добавляет оптимизма и количество текстов, созданных в этой области, изобилующих абстрактными идеями и концепциями.

Определенным решением этой проблемы стало обращение к европейскому наследию как к конкретному топосу – месту, являюще-

муся одновременно олицетворением того, что можно назвать европейской традицией и ее результатом, выраженным в конкретном наследии. Примерами таких топосов стали Вильнюс, Санкт-Петербург, Флоренция и Афины.

Идея интеграции европейской традиции через топосы послужила общим фундаментом для трех программ бакалавриата Департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ: «Европейское наследие», «Визуальный дизайн» и «Театральное искусство и актерская игра». Эти программы помогают понять, что такое европейская традиция, проявившая себя в этих городах.

Настоящий диалог с этими местами неизбежно требует «личного» толкования традиции, что должно привести к «переживанию» (*Erlebnis*). Это такое жизненно важное «переживание», проистекающее из нашего отношения к миру, которое нельзя

Питер Брейгель Старший
«Вавилонская башня»
1563

рационализировать и выразить посредством абстрактных концептуальных инструментов. Произведения искусства и наследие помогают нам найти индивидуальный язык, нашу интерпретацию. Живое взаимодействие с искусством и наследием не только дает нам общее представление о европейской традиции, но и меняет наш образ мышления.

Европейская традиция в этих городах проявилась в способности талантливых людей взаимодействовать друг с другом через искусство. Это были Афины времен Сократа, Платона и Аристотеля; Флоренция Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи и Микеланджело; Санкт-Петербург Александра Пушкина, Николая Гоголя, Федора Достоевского и Льва Толстого; Вильнюс Чеслава Милоша, Томаса Венцловы и Иосифа Бродского. В каждый из исторических периодов города привлекали людей, искавших возможность реализовать свой потенциал, получить образование, погрузиться в европейскую традицию и переосмыслить ее, найдя в ней свое место. Эти места не утратили своей гениальности по сей день.

Выбранная нами логика программы предполагает «археологическое погружение» в традицию, формирование понимания того, что предшествовало и что создавало тот или иной пласт наследия.

На первом курсе студенты выходят из дверей учебного корпуса нашего университета в Вильнюсе и пытаются понять, что из себя представляет выражение европейской традиции в наследии Вильнюса. Упор делается на современность и потенциал наследия. На втором курсе у них есть возможность окунуться в традицию Санкт-Петербурга. Это не просто изучение наследия города, это погружение в интеллектуальную традицию эпохи Просвещения. На третьем курсе студенты знакомятся с эпохой Возрождения на примере Флоренции. Четвертый курс посвящен началу европейской традиции на примере Афин. Античность – самый первый, самый плодотворный

пласт европейской традиции, оказавший значительное влияние на формирование Возрождения и Просвещения, необходимый для создания содержательных ориентиров эпохи, в которой сегодня находимся мы.

Важно подчеркнуть, что выбранные для программы города-топосы уникальны не только теми артефактами, которые были в них созданы и сохранены, но и той энергией, которая позволяла человеку не просто быть носителем традиции, но и продолжать ее. Мы ищем любую возможность для столкновения человека с энергией конкретного места, с тем, что античные авторы называли *genius loci*. Природе этого явления как культурному феномену посвящена Квебекская декларация по сохранению духа места [3]. У студентов, впервые сталкивающихся с *genius loci* этих четырех городов, появляется возможность задать себе вопрос о том, каким должно быть их образование, чтобы не просто соотносить себя с европейской традицией, но и попытаться оставить в ней свой след.

Каждая такая встреча с европейским наследием становится событием. Речь не только об эмоциональном переживании, но и о новом формате учебного процесса, в рамках которого и преподаватели, и студенты смогут создавать не только свои собственные события, но и ориентироваться на те, которые являются актуальными для европейского культурного пространства. Например, в 2023 году предстоит празднование 700-летия Вильнюса, к 2022 году идет подготовка проекта, посвященного 100-летию открытия Говардом Картером гробницы Тутанхамона. 2020 год стал годом 500-летия переезда Франциска Скорины из Праги в Вильнюс. В 2019 году студенты привезли из Флоренции работы, посвященные Синдрому Стендаля [6]. По их следам родился проект, посвященный картине Анри Матисса *ТАНЕЦ*, для которого Санкт-Петербургский Эрмитаж позволил нам несколько дней утром до появления посетителей снимать в своих залах.

В этом году студенты обратились к фигуре Михаила Агинского, оставившего след в Вильнюсе, Санкт-Петербурге и похороненного во Флоренции. По итогам поездки в Санкт-Петербург были подготовлены проекты о «европейском образовании» Владимира Маяковского, а также проект, посвященный 80-летию Иосифа Бродского.

Еще одним важным моментом является то, что выбранные нами большие европейские города обладают целым рядом показательных примеров реализуемых в них сегодня проектов, а также инструментов, помогающих в решении трудностей, связанных с наследием.

Проектная работа также дала возможность минимизировать ряд проблем в сфере гуманитарного образования, например, имитацию процесса получения знаний. Работа в проекте всегда предполагает результат, формирующий портфолио студента. От качества этого портфолио будет зависеть успех трудоустройства выпускника по окончании университета. К тому же командная работа дает возможность получить практические навыки лидера, исследователя, маркетолога, коммуникатора.

Таким образом, мы не ограничиваемся задачей подготовить студента, который будет только сохранять или использовать наследие. Мы готовим человека к тому, чтобы он своим проектом, связанным с наследием в том или ином городе, мог создать событие, которое само по себе будет соответствовать пониманию феномена *genius loci* и привлекать внимание других к наследию.

В заключение еще раз подчеркнем, что привычные понятия могут трансформироваться в тех или иных контекстах. Погружение понятия «европейское наследие» в пространство гуманитарного университета поставило

целый ряд вопросов о соотношении европейской традиции, европейского наследия и роли человека, одновременно являющегося и носителем традиции, и потенциальным автором того, что следующие поколения будут оценивать как наследие. Синтез этих трех феноменов является основой процесса образования, построенного вокруг идеи *genius loci* топосов Вильнюса, Санкт-Петербурга, Флоренции и Афин. Это позволяет студентам программы «Европейское наследие» становиться одновременно носителями европейской традиции, авторами своих собственных проектов, и тем самым реализовать свое индивидуальное призвание быть человеком.

Использованная литература

- [1] Аредт, Ханна. *Vita activa, или о деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.
- [2] Аренд, Ханна. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
- [3] Квебекская декларация по сохранению духа места. Принята в Квебеке, Канада, 4 октября 2008 г. // http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/2008_%20%20%20%20.pdf/download (02.06.2020).
- [4] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (02.06.2020).
- [5] Крастев И. *После Европы*. Москва: Дело, 2018. 144 с.
- [6] Синдром Стендаля: интервью студентов ЕГУ с профессором Грациеллой Магерини // <https://en.ehu.lt/news/stendhal-syndrome-students-interview> (02.06.2020).
- [7] Gregory S. Prince Jr. *Teach Them to Challenge Authority: Educating for Healthy Societies*. Continuum, 2008. 256 p.
- [8] Джорджо Агамбен. *Латинская империя как живая Европа* // <http://gefeter.ru/archive/8892> (11.10.2021).